

Все права защищены. Текст книги не может быть скопирован (в том числе частично) и воспроизведен в любом виде без письменного разрешения автора.

Данная книга основана на художественном вымысле. Имена, характеры, профессии, места, события или происшествия являются продуктом творческой фантазии автора. Все совпадения с реальными персонажами (живыми или мертвыми) случайны.

Пролог

— *М*истер Тиган Доу...
Этот голос возвращает меня на несколько месяцев назад, на неудобную скамью в зале суда, когда я едва не оказался в тюрьме. Передо мной все та же судья, и у нее все такой же удивленный вид. Я могу почти слово в слово предположить, что она мне сейчас скажет. *«Как жаль вновь видеть вас в подобной ситуации...»*

Сколько раз я уже слышал всю эту чепуху? Но все же сегодня все иначе. Ее «молоточек» не отправит меня в исправительный центр и не назначит мне еще один год условного заключения. Наручники на моих руках реальны, как и нависшая надо мной угроза. В прошлую нашу встречу она четко дала мне это понять: на этот раз меня точно посадят.

Когда я смотрю на ее расстроенную физиономию, возникает чувство, будто меня уже приговорили. Моя свобода закончилась три дня назад: я очнулся здесь, коридоры, словно сторожевой пес, круглосуточно патрулирует дежурный коп, а медсестры избегают моих взглядов. Но не судья. Она смотрит прямо мне в глаза с такой же злостью, как и моя львица в нашу первую встречу.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы не встречаться с ней взглядом. Очевидно, сквозь эти жалюзи я проскользнуть не смогу. Судья вздыхает. А у меня нет никакого желания выслушивать ее никчемные нравоучения о том, как я упустил данный мне шанс, ведь я — это я, и всегда останусь собой. Я уже много раз проговорил про себя

все, что она могла бы мне сказать. Я прекрасно знал о последствиях своих действий и не жалею ни о чем.

— Мистер Доу, ваше молчание ничего не изменит.

Оставь меня в покое! Меня вот-вот накроет буря эмоций, но только не перед ней! Я молча терплю и пытаюсь отдышаться. Единственное, чего я хочу — это чтобы она исчезла, как исчезают остатки моей надежды на освобождение.

— Я не могу найти слов, чтобы описать, насколько я разочарована, что вы оказались в этой ситуации. Я всегда была убеждена, что, несмотря на все ваши злоключения, вы сможете все преодолеть. — Она вздыхает и садится на стул напротив меня.

Судья словно ждет ответа, хотя понимает, что его не последует. Она ведь знает мое досье наизусть. И молчит. Специально, чтобы надавить на меня?

— Несмотря на предоставленные следователем улики, я не могу поверить, что вы способны на такое. Что же произошло, мистер Доу? Почему случайный дилер из Куинса пытается изнасиловать девушку в раздевалке лица и избивает ее товарищей?

Если ты так хорошо меня знаешь, ответь сама! Ком застревает в горле и мешает мне дышать. Мысли о Елене причиняют дикую боль. Я смотрю на судью в упор. Я надеялся прочитать в ее лице ненависть, но ее там нет, и от этого становится еще тяжелее. Мне не нужна ее жалость. Уж лучше сдохнуть.

— Расследование должно идти своим чередом, и вскоре мы встретимся в зале суда. Но сегодня я приехала сюда к вам для того, чтобы дать совет: не молчите, Тиган, начните говорить! Это ваш единственный шанс.

Серьезно? Говорить? А не пойти ли ей?!

— Или напишите — неважно. Главное, изложите свою версию событий. Докажите мне, что в вас осталась хоть крупинка от того человека, которому я дала возможность выпутаться. Теперь только вы сами можете себя спасти.

Она ошибается. Елена мне поможет. Ведь она — все, что у меня есть, моя львица. Она расскажет, как все было.

— Елена Хиллз сейчас не в состоянии давать показания, а все остальные свидетельствуют против вас. Вы остались один, Тиган.

Моя львица не в состоянии разговаривать... Значит все, что я сделал, было напрасно? Они ее все-таки сломали... Надо было их убить.

Не получив ответа, судья встает и замирает на секунду. Я снова отвожу взгляд.

— Я сделала все от меня зависящее, чтобы вы не попали в Райкерс. Теперь ваш ход, мистер Доу.

Она выходит и закрывает за собой дверь, а у меня перехватывает дыхание. Мне срочно нужно покурить. Рядом со мной пищит какой-то агрегат, и мне кажется, этот звук меня сейчас задушит.

Моя раненая львица не может говорить... Райкерс...

Глава 1

Тиг Тогда

— Тиг.. Елена водит ногтями по моей груди, и это до дрожи приятно. Не знаю, как ей удастся, практически ничего не делая, пробуждать во мне столько всего.

Она продолжает. Я улыбаюсь, не хочу открывать глаза, не хочу просыпаться. Так здорово здесь, вдали от всех проблем. Этой ночью нет никаких кошмаров. Меня от них охраняет моя львица, присматривая за мной, словно хищник за своей территорией.

— Тиг.. — вновь шепчет она.

Я хихикаю, как девственник, когда ее обжигающая ладонь оказывается под одеялом. Как обычно, пальцы останавливаются у резинки моих трусов. Интересно, если бы я спал гольшом, она спустилась бы ниже и обхватила бы меня всей ладонью? Вряд ли. Она предпочитает медленный разогрев: ждет, пока я не начну кипеть от возбуждения. Елена доводит меня до предела и заставляет взять дело в свои руки: ей нравится, когда я у руля. Хотя мне кажется, она просто кайфует от осознания того, что я не могу ей противостоять. Я так сильно ее хочу — это придает ей уверенности в себе. Заслужить ее доверие непросто, но когда она видит, что я обезумел от желания, то понимает, что я не играю с ее чувствами. Ведь после изнасилования в лицее и нападения придурка, которого я в конце концов заставил поплатиться за это, она постоянно сомневается.

Она зовет меня по имени, но я не хочу открывать глаза. Первое, что я желаю увидеть после пробуждения, — Елену, тонущую в удовольствии, а не идеально белый потолок ее чертовой комнаты.

Она прислала мне сообщение посреди ночи и попросила зайти к ней. Обожаю, когда она так делает. Самое сложное — тихонько проскользнуть в ее комнату через смежную ванную так, чтобы ее отец ничего не услышал. Он меня предупреждал: «Не смей даже пальцем притронуться к моей девочке». Он не может знать наверняка, но, конечно же, подозревает, что между нами что-то происходит. Это видно по тому, как он на меня смотрит. Поэтому мне приходится включить режим кролика-ниндзя, чтобы просочиться в постель Елены незамеченным.

О, черт!

Она вновь медленно проводит ногтями вдоль резинки трусов. Это возбуждает настолько, что мышцы невольно напрягаются. Я больше не могу сдерживаться.

Все еще зажмурившись, я резко отбрасываю одеяло и оказываюсь сверху, вклинившись между ее голых ног. После того как мы впервые занялись сексом, я несколько дней бился над тем, чтобы она перестала спать завернутой в три слоя шмотья, и не жалею об этом.

Она смеется. Вот с каких звуков нужно начинать день. Хотя нет, ее стоны — на первом месте.

Я прижимаюсь носом к ее шее и вдыхаю полной грудью. Хочу всегда помнить этот запах и просыпаться с ним каждое утро.

— Открой глаза.

— Не-а...

Елена опять смеется. Знает, почему я отказываюсь. Она знает, что по утрам я хочу видеть только, как она кончает. Ее руки царапают мою спину, а губы впиваются в шею. Я непроизвольно прижимаюсь к ней бедрами, и ей приходится сильнее сжать ноги вокруг моей талии. Она такая горячая, от простыни исходит ее аромат.

Кажется, я плотно подсел на этот наркотический запах и вряд ли теперь смогу обходиться без него.

— Мы опоздаем на занятия...

Да и к черту их! Мы не покинем эту кровать, пока я не увижу, как она тонет в удовольствии.

Я прижимаюсь еще сильнее, и она стонет. *Черт, она стонет!* Обожаю такие моменты. Она кусается, совсем как львица, которая грозитя проглотить меня целиком, — моя очередь стонать от удовольствия. Я слегка отстраняюсь и пускаю в ход руки.

Как только мои забитые татуировками пальцы проникают в нее, она притягивает меня к себе: не хочет, чтобы я смотрел, ее смущает собственное возбуждение. Я открою глаза только после того, как она закроет свои от наслаждения. Она закусывает нижнюю губу. Хочу каждое утро видеть ее такой, ощущать ее такой.

Я не спешу, Елена не любит спешку. Моя львица смакует ощущения, и это сводит с ума: возбуждение и разочарование смешиваются в один ноющий ком. Я позволяю ей думать, будто я главный, но это совсем не так: я здесь только ради нее, получаю удовольствие только вместе с ней.

— О, Тиг.. Черт, погоди, я сейчас...

Я ускоряюсь, не дав ей договорить. Мои пальцы скользят вперед и назад по горячей и влажной поверхности. Она вонзает ногти мне в спину, веки плотно сомкнуты, брови нахмурены. Она на самом краю пропасти, я знаю, она вот-вот кончит и потом наверняка расстроится, что я довел ее до оргазма, сам оставшись без ничего. Но я так люблю видеть ее... подчиненной моей власти.

— Мм! Тиг!

Елена больше не может сопротивляться. Через пару секунд она застонет, возможно, даже вцепится в меня, лишь бы не закричать и не выдать нас. Представляю себе, сколько шума поднял бы ее отец, если бы нагрянул прямо сейчас. Я молюсь на кодовый замок, охраняющий вход в ее комнату, и задвигну на двери в ванной.

Хотя в целом здесь и сейчас мне плевать на Дэниэла, а вот Елене нет.

Я ускоряюсь, мой большой палец нащупывает идеальное место, и я... *Проклятье!* Она что есть силы сжимает свои ноги, и мой член упирается в руку, не позволяя ей двигаться дальше. Черт, она вся влажная, это ощущается даже сквозь ткань трусов.

— Не двигайся, иначе я опять... — начинает говорить она.

О, моя львица, если ты думаешь, что я тебя послушаюсь, то сильно ошибаешься!

Я снова начинаю двигать рукой, прямо рядом с членом, и от этого получаю свою толику удовольствия. Она вся превращается в стон! Мое имя срывается с ее губ, она с дикой силой сжимает меня своими ногами. Мой член давит прямо на нужную точку, и она кончает. Конечно же, как я и предполагал, она кусает меня за шею и обхватывает руками, прижимая к себе.

Она прячется от моих глаз, но ощущать это напряжение и трепет, слышать, как у нее перехватывает дыхание из-за меня, — это лучшее из всего, что можно вообразить. Мой член зажат так, что мне тоже приятно. Не настолько, чтобы кончить, но достаточно, чтобы насладиться моментом.

Когда ее тело, наконец, расслабляется, я достаю свои пальцы из рая и отстраняюсь, чтобы лучше ее рассмотреть. Елена пытается отдышаться с закрытыми глазами, а потом смотрит на меня так, как всегда смотрит после оргазма.

— Извращенец, — выдыхает она.

Я взрываюсь от смеха. *Какая дикость!* От моих конвульсий член разворачивается прямо в ее сторону. Приходится взять себя в руки. Черт, я на грани ядерного взрыва. *А она еще будет весь день попадаться мне на глаза...* Мне уже надоело возбуждаться, куда бы я ни пошел, но ее забавляет, когда я стараюсь чем-то прикрыть свой бесконечный стояк после того, как она

меня заведет. Впрочем, в чем-то она права: надо быть извращенцем, чтобы любить такие игры.

— Серьезно? — парирую я.

Она смеется, обнимает меня, а затем морщится.

— Мм, кажется, кому-то не помешает почистить зубы, — говорит она с наглой улыбкой.

Да, моя львица, даже у кроликов воняет изо рта по утрам.

Я сажусь, оставив ее утопать в матрасе. Она бросает взгляд на выпуклость в моих трусах. Член дрожит от разочарования. Если бы мог говорить, он бы точно послал нас далеко и надолго.

Как всегда, Елена смущается и отводит взгляд. Я знаю ее следующие слова: как это ужасно, что мы уже два дня без презервативов, и что она бы очень хотела прикоснуться ко мне, но не может. Чтобы не слышать этого и не видеть слезинки в уголках ее глаз, я ее обнимаю, а затем вылезая из постели.

— Вставай, моя львица, сегодня забудем на занятиях, — бросаю я по пути в ванную.

— Как это? С ума сошел? Мой отец...

— Вышвырнет меня на улицу, если услышит, что я нахожусь в твоей комнате в такую рань. И он меня убьет, если ты залетишь!

Тишина. Я пытаюсь отлить, не кончив. Обычно у меня это получается несколько раз в день, так что пора уже внести меня в книгу рекордов.

— Мы же не будем весь день покупать презервативы... — цедит она сквозь зубы из своей комнаты.

Елена не спешит присоединиться ко мне в ванной. Видимо, и в душ я сегодня пойду один...

— Покупать — нет, зато опустошать коробку — да, детка!

— Эй, дружище!

Я вздрагиваю и открываю глаза. Окружающая обстановка бесцеремонно вырывает меня из грез, возвращая к реальности.

— Помоги, парень! Сделай одолжение корешу, шевелись! — горланит кто-то.

Это мне?

Я с трудом встаю на кровати, чтобы оглядеться. Несколько полицейских сгрудились вокруг соседней до­селе пустовавшей койки. Теперь на ней лежит парень с гнилыми зубами.

— Подонок! — вопит он.

Один из копов пытается его уложить и заткнуть пасть. Это та же самая шавка, что охраняет выход из комнаты. Не знаю, зачем его к нам приставили, но даже если его задача — не дать никому выйти или войти, одно понятно наверняка: этот жирдяй больше времени потратил на заигрывание с медсестрами, чем на слежку за мной. В комнату входит очередная девушка в белом халате с чертовски огромным шприцом и, естественно, тоже попадает в поле его зрения. *Проклятый коп, это омерзительно!* Она делает вид, что не замечает его взгляда, и производит какие-то манипуляции с за­ключенным.

Наступает тишина, и полицейские сваливают. Но­вичок искоса смотрит на меня.

— Всех психов в одну комнату сгрудили, — бросает он.

Я отворачиваю голову. *Кто из нас здесь больший псих, извращенец?*

Я смотрю на свое запястье, прикованное наручниками к чертовой больничной койке. От воспоминаний о произошедшем снова тяжело дышать, точно так же, как и в любой другой проведенный в этом месте день. Почему сегодня приснилось именно это? Чтобы стало еще больнее от осознания того, что я все еще здесь? Или, возможно, мой разум пытается подменить весь этот ужас образом моей львицы? В любом случае реальность всегда возвращается: повсюду кровь, Елена визжит, а у меня в голове крутятся одни и те же слова: *«Вы под арестом. Райкерт. Изнасилование».*

Глава 2

Елена

Уже несколько дней я валяюсь на больничной койке, но только сейчас у меня получается хорошо осмотреться. Когда меня привезли, я так бурно реагировала на любые прикосновения, что медсестрам пришлось ввести мне успокоительное. Я долго балансировала на грани сна и отчаяния. Потом меня кололи еще и еще. Наконец, сегодня больше никаких транквилизаторов. Но, несмотря на длительный сон, я ничего не забыла. С каждым пробуждением воспоминания о случившемся возвращаются с новой силой.

Я внимательно осматриваю комнату: полуприкрытые ставни, впускающие совсем немного солнечных лучей, гнетущая тишина; от запаха антисептиков тошнит.

Натянув одеяло до подбородка, я все равно мерзну. Кажется, меня всю поглотили отвращение и страх и я никогда не смогу от них избавиться. Но пусть я вся разбита и с трудом возвращаюсь к реальности, органы чувств работают на все сто: жесткая простынь трется о кожу — очень неприятное ощущение! Зрачкам физически больно от сумрака, и что уж говорить об этой тишине, возвращающей воспоминания, которые мне совершенно не хочется переживать снова.

Не знаю, какой сегодня день. Но очевидно, что его рядом нет и без него мне не прогнать из головы произошедшее. Я снова и снова прокручиваю эту сцену: тот мерзавец, драка, ярость, затем копы повсюду и Тиг в крови. Меня мучают детали: его дрожащие руки закрывают голову, пока в него тычат оружием и кричат;